

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ
КОНСТРУКЦИЙ КЫРГЫЗСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Зулпукаров Капар Зулпукарович, – д.филол.н.,
проф. zulpukarov48@mail.ru

ОшГУ, г. Ош, Кыргызская Республика

Амиралиев Семетей Манасович - к.филол.н., доц.
sem.87.90@mail.ru

ОшГУ, г. Ош, Кыргызская Республика

Аннотация: В качестве объекта сравнительного анализа подобраны кыргызские предложения, которые имеют аналоги в китайском языке. Цель статьи – сравнение кыргызско-китайских предложений со структурными элементами идентичной этимологии. В ней с помощью методов и приемов сопоставления, реконструкции, описания и перевода аргументируется положение о том, что семантическое строение ряда кыргызских предложений мотивируется первичными корневыми морфемами в ханью. Это, в свою очередь, в некоторой степени доказывает лингвоэтногенетические связи кыргызского и китайского народов. Материалы исследования могут быть полезными для тех, кто занимается вопросами компаративистики, ностратики, алтаистики, синологии и лингвотипологии.

Ключевые слова: кыргызский язык, китайский язык (ханью), тюркские языки, неродственные языки, сопоставление, этимология, общие предложения, сравнительный анализ, словосочетание, семантическое строение предложений.

КЫРГЫЗ ЖАНА КЫТАЙ ТИЛДЕРИНИН СИНТАКСИСТИК КОНСТРУКЦИЯЛАРЫН
ИДЕНТИФИКАЦИЯЛОО ТУУРАЛУУ МАСЕЛЕГЕ КАРАТА

Зулпукаров Капар Зулпукарович – филол.и.д.,
проф. zulpukarov48@mail.ru

ОшМУ, Ош шаары, Кыргыз Республикасы

Амиралиев Семетей Манасович – филол.и.к.,
доц. sem.87.90@mail.ru

ОшМУ, Ош шаары, Кыргыз Республикасы

Аннотация: Салыштырма талдоонун объектиси катары кытай тилинде аналогдору бар кыргыз сүйлөмдөрү тандалып алынды. Макаланын максаты – этимологиясы окшош түзүмдүк элементтерге ээ кыргыз-кытай сүйлөмдөрүн салыштыруу. Мында салыштыруу, реконструкциялоо, сыпаттоо жана которуу ык-жолдорунун жардамында бир катар кыргыз сүйлөмдөрүнүн семантикалык түзүмүнүн ханюдагы баштапкы уңгу морфемалар аркылуу жүйөлөштүрүлүшү жөнүндөгү жобо тастыкталат. Бул өз кезегинде кайсы бир деңгээлде кыргыз жана кытай элдеринин лингвоэтногенетикалык байланыштарын далилдейт. Изилдөөнүн материалдары компаративистика, ностратика, алтаистика, синология жана лингвотипология маселелери менен алектенгендер үчүн пайдалуу болушу мүмкүн.

Ачкыч сөздөр: кыргыз тили, кытай тили (ханью), түрк тилдери, тектеш эмес тилдер, салыштыруу, этимология, жалпы сүйлөмдөр, салыштырып талдоо, сөз айкашы, сүйлөмдөрдүн семантикалык түзүлүшү.

ON THE QUESTION OF IDENTIFYING SYNTACTIC
CONSTRUCTIONS OF KYRGYZ AND CHINESE LANGUAGES

Zulpukarov Kapar Zulpukarovich – Doctor of
Philology, professor

zulpukarov48@mail.ru

OshSU, Osh city, Kyrgyz Republic
 Amiraliev Semetei Manasovich – Candidate of
 Philology, associate professor
 sem.87.90@mail.ru
 OshSU, Osh city, Kyrgyz Republic

Annotation: As an object of comparative analysis were selected Kyrgyz sentences that have analogues in the Chinese language. The purpose of the article is to compare Kyrgyz-Chinese sentences with structural elements of identical etymology. Here by using methods and techniques of comparison, reconstruction, description and translation, was argued the thesis that the semantic structure of a number of Kyrgyz sentences is motivated by primary root morphemes in Hanyu. This, in turn, to some extent proves the linguistic and ethno-genetic links of the Kyrgyz and Chinese peoples. The research materials may be useful for those who deal with comparative studies, Nostratics, Altaic studies, sinology and linguotypology.

Keywords: Kyrgyz language, Chinese (Hanyu), Turkic languages, unrelated languages, comparison, etymology, general sentences, comparative analysis, word combination, semantic structure of sentences.

Введение. До настоящего времени в компаративистике не предпринимались попытки сравнения конструктивных типов кыргызских и китайских синтаксических образований с точки зрения лингвогенетики. Статья ставит своей целью установить общность кыргызских и китайских предложений, имеющих идентичное строение и происхождение. Опираясь на достижения синологии, алтаистики и ностратики, на их методы и методологическую базу, сравнивая лексические составляющие предложений кыргызского и китайского языков, мы пришли к заключению о том, что синтаксис сравниваемых языков обладает рядом общих типологических свойств и отдельных этимологических связей.

Материалы и методы исследования. Мы ниже приведем и проанализируем некоторые кыргызские предложения, составляющие которых идентичны с китайскими корневыми морфемами по происхождению. Например, предложение *Айланайын, эжеке!* «вы милая/любимая, старшая сестра» (букв. «чтобы я кружился вокруг вас, старшая сестра»). Ключевые единицы данной фразы имеют материально-идентичные эквиваленты в ханью. Кыргызские слова *айлан-айлануу* «двигаться вокруг, кружиться, вращаться, вертеться, превращаться, выражать готовность стать жертвой ради адресата», *айланайын* «ты милый/милая; ты любимый/любимая», *айлана* «окружность, окрестность» соотносятся с китайскими слогами: *ài* «любить, быть влюбленным, быть привязанным, расположенным; пристраститься к, дорожить; нравиться; любовь, страсть, привязанность; любимый, дорогой, милый; доброта, милость, благодеяние, великодушие, милосердие, сострадание, гуманность» + *lán* «щит, загородка, перила, ограда, изгородь; преграждать, отделять, отрезать, отгороженное место, хлев, загон для скота», что свидетельствует о том, что предки ханзу и тюрков имели общее ласкательное выражение, обозначающее готовность адресанта оградить любимого человека-адресата от беды, несчастья. Об отдельности второго слога в кыргызском примере свидетельствует наличие метатезы в казахском его эквиваленте: *айнал-* «двигаться вокруг, кружиться, вертеться». Что касается кыргызского суффикса *-йын*, то его можно разложить на две части: *йы-н*. Первая половина данного суффикса допускает сравнение с китайским личным местоимением *yí* вежл. «я (младший), товарищ, друг, ровный, довольный, радостный, рядовой, ровнять, радоваться», *yí* «вы, тетушка (вежливо в обращении с женщинами), тетя, тетка (сестра матери), второстепенная жена отца, матушка», содержащим также вокативное значение. Ключевой его слог *yí* имеет материальное соответствие в кыргызском и других тюркских языках. Кыргызские глагольные суффиксы, реализуемые в алломорфах *-йын, -йин, -йун, -йүн* (ед.) и (в говорах) *-йык, -йик, -йук, -йүк* (мн.), содержат в себе современное значение «субъект речи (говорящий)» и «реципиент (слушатель) речи», предполагают наличие производителя

и получателя информации, их совместное присутствие в акте речи. Выбор того или иного варианта зависит от качества гласного конечного слога. Видно, что в них формант *-н* является признаком ед.ч., формант *-к* – признаком мн. ч. Общими для этих двух аффиксов являются звукосочетания *йы-, йи-, йу-, йү-*, которые и очень напоминают китайский слог *yí*, совмещающий в свою семантику «я» и «вы» и содержащий оттенок уважительного отношения к собеседнику. И кыргызские суффиксы передают значение соучастия, согласования действия и договоренности между говорящим и слушающим, просьбы, согласия слушателя на ожидаемое действие говорящего: *барайын* «пойду-ка я, схожу-ка я», *келейин* «приду-ка я, приеду-ка я» - *барайык* «пойдем-ка мы, сходим-ка мы», *келейик* «придем-ка мы, приедем-ка мы». Во мн. ч. содержится призыв к совместному действию, в ед. ч. освидетельствование ожидаемого действия. Суффикс *-йык/-йик* в знач. I л. мн. ч. встречается «в громадном большинстве тюркских языков» [3]. В литературном кыргызском языке I л. мн. ч. выражается суффиксом *-лы/-лык, -ли/-лик, -лу/-лук, -лү/-лук*: *баралы/баралык* «пойдем-ка мы, поедем-ка мы», *келели/келелик* «придем-ка мы, приедем-ка мы». Этот аффикс имеет инклюзивное значение, включая в свою семантику «я и ты», «я и вы», т.е. значения I и II л.

В вокативной части предложения слово *эже* «старшая сестра (независимо от степени родства: родная, двоюродная и т.д.), вежливое обращение к любой старшей женщине, мать (устар.)» этимологически соотносится с китайским вариантным наименованием *zǐ/jiě* «старшая сестра (независимо от степени родства), сестрица, вежливое обращение к девушке, жене». В кыргызском номинанте отмечается наличие протетического гласного. Суффиксальная часть обращения – общетюркская продуктивная морфема, часто встречающаяся в формулах речевого этикета при обращении прежде всего к адресату мужского и реже женского пола. Ср. кыргызское *-ке* в словах: *байке* «старший двоюродный брат (по отношению к младшему и к младшей двоюродной сестре), старший брат, уважаемый старший мужчина (при обращении)», *аке* «старший брат, отец, уважаемый старший мужчина (при обращении)», *Чыке* «уважаемый Чингиз Торокулович!» (в данном слове мы обнаруживаем действие закона компрессии), *анаке* «матушка», *эжеке* «(уважаемая) старшая сестра, учительница», которые легко сравниваются с китайскими слогами: *gē* «старший брат, уважаемый старший брат», *gēge* «старший брат» (повтор) и *kè* «гость, посетитель, путешественник, чужеземец, иногородний, другой», совмещение которых, вероятно, образовало общетюркский суффикс *-ке*, присоединяемый преимущественно к названиям лиц мужского пола.

Кыргызское предложение *Баянсулуу жакшы кыз эле* «Баянсулу была хорошей девушкой» имеет этимологическое строение, мотивированное первичными китайскими слогами. Имя фольклорной героини, весьма распространенное в кипчакско-тюркских языках, с точки зрения китайского языка состоит из четырех корневых морфем. Первая часть имени употребляется как отдельное слово: *баян* «рассказ, повествование». Его структура прозрачна с точки зрения китайского языка, где *bǎo* «драгоценность, сокровища, ценность, реликвия; ценная вещь, клад; драгоценный, ценный» и *yān* «слово, говорить», сложение которых, вероятно, образовало слово *bǎo + yān > баян*. Ср. также *bǎojiàn* «народное сказание». В слове *сулуу* «красивый, прекрасный, прелестный» два слога, которые имеют прямые соответствия в ханью: *xìu* [сю] «цветок, цветущий, прекрасный, прелестный, изящный» + *lì* «красивый, прекрасный, прелестный, изящный; прелесть, красота». Ср. слово *xìulì* [сюли] «прекрасный, очаровательный; красота, прелесть», образованное в результате сложения двух синонимичных слогов. В кыргызских эквивалентах под влиянием закона сингорманизма произошла ассимиляция гласных звуков [1].

Китайское слово *yōushì* «преимущество, перевес, превосходство, доминирование, преобладание» по значению и звуковому облику очень напоминает кыргызское *жакшы* «хорошо, хороший, лучше, лучший, превосходно, превосходный, знатный»;

жакшысыңбы? «хорошо ли ты себя чувствуешь? как ты поживаешь?», *эл/журт жакшысы* «достойный из людей, превосходнейший из людей; глава, начальник».

Кыргызское слово *кыз* «девушка, девушка, дочь, незамужняя женщина, женщина» допускает сравнение с китайским слогом *gui* «девушка, дочь, незамужняя женщина, женщина, женская половина дома; женский, дамский». Конечному *-i* в китайском языке соответствует кыргызский *-з*. Это не единичный случай. В современном китайском языке есть другие аналоги: слог *ku* «смотреть, наблюдать, подглядывать, подсматривать, подстергать, следить, шпионить». В древнем китайском языке эти значения [4] передавались слогом закрытого типа *kas* «оглянуться, посмотреть». Мы видим, что конечный согласный перешел в *-i*. Древнекитайское *kas* мы сравниваем с кыргызским словом *көз* «глаз, глаза». Этот факт свидетельствует о том, что кыргызское слово сохранило древнейший звуковой облик слова. В кыргызском языке есть и рефлексии китайского *gui* [гуэй]: *кудагый* «сватья (мать невесты, жениха или их пожилая родственница)», ср. *куда* «сват (отец невесты, жениха или их пожилой родственник)»; антропоним *Каныкей* (букв.) «дочь хана или жена хана» (имя жены эпического героя Манаса), где *-кей* напоминает китайское *gui*.

Таким образом, мы имеем финальные соответствия: кит. *-ui* = кырг. *-өз/ыз*.

Однако в тюркских языках звук *з* нередко чередуется со звуком *р*. Ср. *гыз* в азерб., *гыыз* туркм., *кыз* в тур., узб., уйг., кырг. кара-калп., тат., каз. и др., *кыс* в алт., гагауз., тув., *хыс* в хакас., *кыыс* в якут., а в чуваш. *хыр*, т.е. *з/с = р* [2]; по-узбекски и по-уйгурски пишут *киз*, произносят *кыз*). Чувашское *хыр* «дочь» объясняет происхождение кыргызского сложного слова *кыз-кыркын* «разные девушки, все девочки, все дочери, женщины», образованного на основе повтора, т.е. *кыз-/кыр-* с собирательным значением. Последний слог *-кын* сравним с китайским слогом *gēn* «сопровождать, следовать (позади), идти вслед (за), быть вровень (с), равняться с, вместе с, вслед за, у, в равной мере». Переход *e* в *ы* легко объясняется действием прогрессивной ассимиляции, когда корневой звук *ы* жестко требует уподобления ему гласного следующего слога и лишения качества переднеязычности.

Итак, мы имеем дело с межъязыковым финальным чередованием *з/р* (тюрк.) // *й* (кит.) в наименованиях концепта «дочь, девушка». Это чередование мы находим и в номинантах концепта «глаз, глаза»: кырг. *көз* «глаз, глаза» (татар. *күз*), *көр* «видеть, глядеть, слепой (южн., эвфемизм)» (татар. *күр-*) и кит. *ku* «смотреть». Чередование *с/з/р/й* может встречаться в финальной части идентичных по происхождению слогов даже одного языка, например, кыргызского: *кес-* (резать, рубить), *каз-* «рыть» (*көзө-* «продырявить»), *кер-* в словах *керки* «тесло», *керт-* «рубить, отрубить, надсекать, делать зарубку», *кый-* «резать, рубить» и т.д.

Кыргызское *эле* – служебный глагол для обозначения прошедшего времени: *мен айткан элем* «я говорил», *сен айткан элең* «ты говорил» и т.д., который сходен с китайским служебным слогом *le* (частица со значением «что-то случилось и возникла новая ситуация»). Отличие сравниваемых служебных слов состоит в наличии протетического гласного в кыргызском эквиваленте.

Сказанное позволяет заключить, что конструктивно-семантическая структура кыргызской фразы *Баянсулуу жакшы кыз эле* в своем исходе мотивируется китайскими слогами. Правда, в подобных предложениях между подлежащим и предикатом в китайском языке вставляется служебная частица *shí* «быть, являться», которая напоминает кыргызские указательные местоимения *ушу/ушул*, *шу/шул* (в говорах) «это, этот, эта».

Теперь рассмотрим составляющие предложения *mǎ chī cǎo* «лошадь ест траву» с точки зрения кыргызской лексикологии и фонетики. Каждое из слов-слогов является членом парадигмы и выбрано говорящим для выражения мысли. Фраза и ее составляющие прозрачны и отдаленно напоминают кыргызские речевые произведения. Слог *mǎ* «лошадь» сходен с кыргызским междометием *ма-ма*, употребляемым для зова лошадей.

Ма-ма употребляется в речи взрослых в значении «лошадь» при обращении к маленьким детям. Это пример междометного именованья. Слог *chī* с процессуальным значением созвучен с глаголами *же* «ешь» и *ич* «ешь (жидкую пищу), выпивай», а объектное наименование *сǎо* – с существительным *чэп* «трава». Фраза же в целом переводится так: *Ат чэп жейт*. Здесь объект препозитивен относительно глагола-предиката. Если в китайском языке действие, процессуальность, протекание действия в момент речи заключены в слоге-морфеме, то в кыргызском действие – в корневых морфемах *же* «ешь, есть; кушай, кушать» и *ич* «ешь (жидкую пищу), выпивай», продолжительность действия передается деепричастным суффиксом *-й* (*жей* «еда, кушая») и *-е* (*иче* «еда жидкую пищу, выпивая»), субъект действия (3-е лицо) – лично-глагольным суффиксом *-т* «он, она». Последнее очень напоминает китайский прономинатив *та* «он, она».

Слова *chī* «ест» и *же* «ешь», *жейт* «ест» тоже созвучны и напоминают казахское *же/жейди*, узбекское и уйгурское *йе/йейди* «ест» и даже русское *йе* (*йем* «кушаю», *йеешь* «кушаешь» и т.д.). Отметим, что китайскому *ch* в кыргызском языке часто соответствует звук *ж*: значение «враг, противник» по-китайски *chóu*, по-кыргызски *жоо*, значение «отвечать, откликаться, отзываться» по-китайски *chóu*, по-кыргызски *жооп*, значение «толстый, пузатый» в ханью *chǒn*, в кыргызском *жоон*, значение «цыпленок, птенец» по-китайски *chú*, по-кыргызски *жөжө/чөжө*, в некоторых южных и узбекских говорах *жижи* «младенец» и т.д. Глагол *ич* «есть (жидкую пищу), пить» представляет метатезу относительно китайского *chī* и тюркского *же-йе* «есть, кушать». В нем гласный предшествует согласному, в последних же согласные – гласным. Семантический объем корня *же-йе* шире значения корня *ич*. Но эти корни часто образуют сложные слова: *жеп-ич* и *ичип-же* (с интерфиксами *-п* и *-ип*) «жить за чужой счет, есть не стесняясь, кушать вдоволь; брать подношение, получать взятку». Узость значения *ич* (в отличие от *же*–) проявляется в том, что он употребляется при приеме жидкой пищи и напитка.

Объект представлен в ханью слогом *сǎо* «трава», который по звуковому облику сходен с кыргызским *чэп* «трава». Китайское *с* соответствует кыргызскому *ч* в целом ряде примеров: значение «брать в щепотку, щепотка» в ханью *сиǎо/сиǎо*, в кыргызском *чымчуу/чымчым*, значение «запутать, запутаться» по-китайски *сиǎо*, по-кыргызски *чатышуу/чатыштыруу* и т.д. Кыргызское *чэп* «трава» фонетически сходно с другим китайским слогом. В ханью есть слово *chǎо* «трава», которое может заменить слог *сǎо* «трава», образующий с ним одну семантическую парадигму. Китайским дифтонгам соответствуют звуко сочетания кыргызского языка (*ао=өп*, *ио=ым*, *ио=ат*). В китайской и кыргызской фразах только порядок слов разный: объект в ханью занимает постпозицию относительно глагола, а в кыргызском – препозицию.

Таким образом, мы имеем все основания считать, что китайская фраза *тǎ chī сǎо* имеет прямые соответствия в кыргызском языке, что свидетельствует о возможном отдаленном генетическом родстве сравниваемых языков. В парадигмах каждой из частей предложения и парадигмосинтагме всего предложения мы имеем дело с материально и семантически сходными эквивалентами в двух языках.

Выводы и обсуждения. На основе вышеизложенного можно сделать некоторые выводы.

1. Приведенный выше материал свидетельствует о том, что ханью и тюркские языки, вероятно, имеют общее происхождение.
2. Лингвоэтногенетическое единство сравниваемых языков убедительно демонстрируется общностью их корневых морфем и лексем на уровне синтаксиса предложения.
3. Все лексико-грамматические соответствия не являются случайными и подчиняются общим лингвогенетическим закономерностям.

Заключение. Выше нами приведено и проанализировано три предложения: два из них – на кыргызском языке, одно – на китайском. Все слова, использованные в них,

этимологически легко идентифицируются, допускают возможность возведения к одним и тем же праформам и, как кажется, естественно вступают в синтаксические связи в структуре предложения. Семантическая тождественность сравниваемых синтаксических конструкций двух языков типологически и генетически мотивирована и служит основанием для утверждения о вероятных лингвоэтногенетических связях двух этносов.

Литература

1. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. – 768 с.
2. Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1967. - С. 17-80.
3. Севортян Э.В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть II. Морфология. – М., 1956. - С. 19-35.
4. Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык. – М., 1965. – 158 с.